

С. А. Пьянков

**Производство продовольствия в крестьянских хозяйствах
Пермской губернии в конце XIX – начале XX века ***

Аграрный сектор экономики характеризуется особым отношением к нему общества и государства, что обусловлено стремлением к продовольственной безопасности, которая наиболее часто понимается как автаркия и стремление сохранить традиционный вид сельской местности, так называемый сельский ландшафт. Традиционный сельский ландшафт с его региональными особенностями является экономическим и культурным достоянием страны и выступает одним из важнейших компонентов социальной стабильности, поэтому исследование локальных моделей развития аграрной экономики в исторической ретроспективе актуально.

Проблема продовольственного производства в исторических исследованиях в основном рассматривалась наряду с социально-экономическими процессами и в этом смысле имеет весьма длительную историографическую традицию¹.

На сегодняшний день наиболее дискуссионными историографическими вопросами социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. являются проблемы определения уровня благосостояния и связанных с ним размеров производства и потребления пищевых продуктов. Положительная оценка развития имперской России дана Б. Н. Мироновым² и М. А. Давыдовым³. Эти авторы, ос-

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», государственный контракт № 14.740.11.0209.

¹ Например, см.: *Маресс Л. Н.* Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. 1. С. 1–72; *Иванцов Д. Н.* К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Пг., 1915. Т. 14.; *Лосицкий А. Е.* Обследования питания населения // Вестник статистики. 1925. Кн. 23. № 10–12. С. 85–123; *Виноградова Н. М.* Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. Кн. 23. № 10–12. С. 29–83, 1926. Кн. 24. № 1–6. С. 51–104; *Череванин Ф. А.* Влияние колебаний урожая на сельское хозяйство в течение 40 лет (1883–1923 гг.) // Влияние неурожая на народное хозяйство России. М., 1927. Ч. 1. С. 160–301; *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М., 1980; *Ковальченко И. Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. М., 2004; и др.

² *Миронов Б. Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 83–95; *Он же.* Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2. С. 137–155; *Он же.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М., 2010; *Он же.* Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 122–140; и др.

³ *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003; *Он же.* К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2009. № 2. С. 168–176; *Он же.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010; *Он же.* Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 129–138; и др.

Пьянков Степан Александрович, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: klostefan@mail.ru

новываясь на материалах антропометрических данных и процессах развития продовольственного рынка страны, отмечают успех процессов модернизации. Противоположной точки зрения придерживается С. А. Нефедов, указавший на несоответствие роста численности населения и размера производимых благ. Он полагает, что в начале XX в. характерная для традиционного аграрного общества связь между потреблением и демографическими характеристиками претерпела изменения под воздействием процессов демографической модернизации¹. Аналогична точка зрения А. В. Островского², поставившего под вопрос обоснованность выводов Б. Н. Миронова. Акцент на региональных особенностях данной проблематики сделан М. И. Родновым, отметившим качественные различия в аграрном строе различных частей России³.

Отдельное внимание ученых посвящено проблеме формирования системы продовольственной безопасности, выразившееся в активизации исторических исследований по изучению возможностей продовольственного обеспечения населения индустриально развитых территорий, позволившие оценить степень участия государства в решении этой важнейшей проблемы⁴.

Вышеуказанное дает основания предполагать, что рассмотрение проблемы продовольственного производства на региональном уровне позволит учесть социально-экономические и природно-климатические особенности территории и дать взвешенную оценку аграрного производства.

Пермская губерния конца XIX – начала XX в. являлась одной из самых крупных в ряду губерний Европейской России, занимала третье место по размеру занимаемой площади, уступая только Архангельской и Вологодской. Расположенная одновременно в Европе и Азии, Пермская губерния географически находилась в центре огромной Российской империи, но в то же время являлась периферийной по отношению к обжитой европейской части

¹ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России конец XV – начало XX в. Екатеринбург, 2005. С. 242–386; *Он же*. Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 96–107; *Он же*. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2009. № 2. С. 155–162; *Он же*. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127–136; и др.

² Островский А. В. О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 119–140; *Он же*. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 129–144.

³ Роднов М. И. Осторожно статистика! // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 172–175; *Он же*. Третья Россия (о крестьянстве и не только) // Российская история. 2009. № 2. С. 163–168; и др.

⁴ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Екатеринбург, 2000. Т. 1. С. 7–13; Корнилов Г. Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 4–14; *Он же*. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX в. // Российская история. 2011. № 3. С. 91–101; и др.

страны¹. Подавляющую часть населения губернии составляло крестьянство, являвшееся фактически единственным производителем продовольствия.

Сельскохозяйственное производство в крестьянском хозяйстве Пермской губернии, несомненно, играло ведущую роль. Произведенная сельскохозяйственная продукция, исчисленная на одно хозяйство или на одну душу сельского населения, значительна не только в своем натуральном выражении, но и как эквивалент вообще всех материальных благ, получаемых крестьянами в результате своего труда.

Несмотря на ландшафтное разнообразие территории, хозяйственной организации крестьянских хозяйств Пермской губернии были присущи общие особенности. Резко континентальный климат, с преобладанием зимнего периода над летним, необходимость удобрять поля, сравнительно широкое потребление мясных и молочных продуктов, большие расстояния между населенными центрами, громадный в различных направлениях гужевой извоз определяли необходимость обширного скотоводства, а следовательно, потребность в значительных запасах фуража. Краткость летнего периода полевых работ обуславливала резкое преобладание яровых посевов над озимыми. Удаленность же полей от усадебной оседлости вызывала необходимость делить полевые земли на ближайшие к жилью (удворные), эксплуатируемые в режиме трехполя, и отдаленные (окольные), используемые без определенной системы севооборота².

Основные посевные площади Пермской губернии были заняты рожью, пшеницей, овсом и ячменем. Доля этих культур в посеве на крестьянских землях составляла 93,8 % в 1881 г. и 94,0 % в 1914 г. Наибольшую долю посевных площадей занимал овес – 38,1 % в 1881 г. и 34,0 % в 1914 г. Посевные площади основных продовольственных хлебов (рожь, пшеница, ячмень) составляли 55,7 % в 1881 г. и 60,0 % в 1914 г.³

На протяжении исследуемого периода основной тенденцией производства зерновых был рост валовых сборов, который был обусловлен увеличением посевных площадей. Сокращение площади посева в крестьянских хозяйствах всегда имело вынужденный характер, происходило это в результате длительного спада валовых сборов, а также в год, которому предшествовал сильный неурожай, когда неприкосновенный семенной фонд вынужденно шел на продовольственные нужды. Колебания урожаев вызывали и колебания в потреблении населения. Но между сборами и потреблением существовал ряд промежуточных звеньев, которые видоизменяли влияние урожая на потребление. К сбору присоединялись запасы от прошлого года, и получалась хлебная на-

¹ См.: *Обзор Пермской губернии*. Приложение к всеподданнейшему отчету пермского губернатора. Пермь, 1894. С. 1; *Кривошеков И. Я.* Географический очерк Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 1–3.

² *Егунов А.* Крестьянские хозяйства Пермской губернии // *Сельское хозяйство и лесоводство*. 1896. № 7. Т. 182. С. 573–574.

³ *Посевные площади*, принимавшиеся центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. по 50 губерниям европейской России. // *Временник ЦСК МВД*. 1901. № 48. С. 33; *Адрес-календарь* и справочная книжка Пермской губернии, 1916 г. Пермь, 1916. Отд. 4. С. 5.

личность в хозяйстве, которая значительно влияла на потребление, чем сбор. Часть этой хлебной наличности даже в самые неурожайные годы продавалась для выплаты податей. Фонд потребления крестьянской семьи составляли продовольственные хлеба, оставшиеся после выплаты податей и вычета запаса посевного материала.

По данным правительственной комиссии, к 1901 г. в 50 губерниях европейской России в среднем на одного сельского жителя от наделенной земли получалось по 16,6 пудов продовольственного хлеба (к нему причислен и картофель в пропорции 1:3). Однако в литературе наиболее часто фигурировала продовольственная норма в 20 пуд. на человека в год, которая примерно обозначила действительную потребность сельского населения в продовольствии¹.

В данном случае интерес представляют данные не только о нормах потребления пищевых продуктов, но и фактический уровень потребления пищевых продуктов исходя из местных климатических условий. Данные о количестве и структуре потребляемых пищевых продуктов имеют отрывочный характер и содержатся в земских статистических трудах.

Опубликованные материалы подворной переписи 1890–1891 гг., охватившей восемь из 47 волостей Оханского уезда, показывают, что основу продовольственного бюджета крестьянского хозяйства составляли продукты полеводства. С учетом проданного и приобретенного хлеба, а также вычета на посев в среднем на одного человека потреблялось 16,48 пуд. продовольственных хлебов, плюс 0,44 пуд. приобреталось мукой, итого – 16,94 пуд. Отметим, что данные, собранные подворной переписью, в данном случае, на наш взгляд, не являются полностью типичными и отражают количество потребляемых пищевых продуктов в условиях неурожая 1890–1891 гг.²

Объемы потребления находились в определенной зависимости от экономического состояния хозяйства, которое, в свою очередь, определялась количеством работников и ценностью капитала, выражавшегося размером посевной площади и численностью рабочего скота.

Исследование экономического благосостояния крестьянских хозяйств Красноуфимского уезда заведующим оценочным бюро Пермского губернского земства Г. И. Баскиным 1903 г. указывает, что уровень потребления на одну душу был выше в больших крестьянских семьях, являвшихся экономически более состоятельными. Бюджетные описания крестьянских дворов позволяют констатировать, что расход производимого продовольствия на личное потребление играл во всех хозяйствах наиболее важную роль. Количество потребляемых хлебов находилось в рамках удовлетворения самых насущных потребностей крестьянской семьи. Во всех группах рожь являлась самым важным продовольственным хлебом, пшеница потреблялась в меньшем количестве, но от-

¹ См.: Рыдзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 17.

² Красноперов Е. И. Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. Пермь, 1896. С. 207–208.

носительное значение ее возрастало при увеличении площади посева на хозяйство. Потребление хлебов в крестьянской семье с посевом до 2 дес. в среднем составляло 14,5 пуд. на едока, в том числе ржи – 11,4 пуд., и росло по мере увеличения трудовых ресурсов семьи. В посевной группе 20,1–25 дес. на одного едока приходилось 26,2 пуд. хлеба. Недостаток в продовольственных хлебах пополнялся картофелем. Продовольственное обеспечение в крестьянских хозяйствах с малой площадью посева было ниже не только в количественном, но и в качественном отношении. Доля картофеля как продовольственного продукта возрастала с уменьшением размера хозяйства¹.

Вопрос об определении продовольственной нормы в масштабах губернии возник перед земскими статистиками в связи с неурожаем 1901 г. Первоначально продовольственная норма определялась в 15 пуд. на едока². Однако анкетное исследование земства, проведенное в августе 1903 г., показывало, что годовая потребность в продовольствии населения была значительно выше. По показаниям 802 корреспондентов, в среднем годовая потребность взрослого человека определялась 24,2 пуда хлебов, для подростка в возрасте до 15 лет – 17,8 пуд., ребенку от 5 до 10 лет требовалось около 12,8 пуд., ребенку до 5 лет – около 7,9 пуд.³

С 1904 г. продовольственная норма для расчета обеспеченностью продовольствием населения была повышена и определялась в 19 пуд. на едока⁴.

Анализ данных о валовом сборе основных продовольственных культур на душу сельского населения, в число которых входили рожь озимая и яровая, пшеница, ячмень, полба, гречиха, горох, просо, указывают на фактически постоянный недостаток производимых хлебов (рис. 1). Овес в данном случае не учтен, так как относился к кормовым культурам и использовался населением в основном в качестве фуража. Валовой сбор на душу сельского населения, без вычета посевного материала, фиксирует резкие колебания уровня производства. В течение 10 из 33 лет принятая земством минимальная норма потребления хлебов, связанная с базовой физиологической потребностью человеческого организма в пище, не достигалась.

Особо низкий уровень производства был в 1883, 1890–1891, 1901, 1906 и 1911 гг., отмеченные аномальными погодными условиями. В эти годы, несмотря на внедрение государством системы продовольственного обеспечения, отмечались голодовки населения⁵.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что производство зерна в крестьянских хозяйствах Пермской губернии покрывало продовольственные потребности населения не в полном объеме. Крестьянское хозяйство испытыва-

¹ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 909–911.

² Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 года. Пермь, 1904. С. 111.

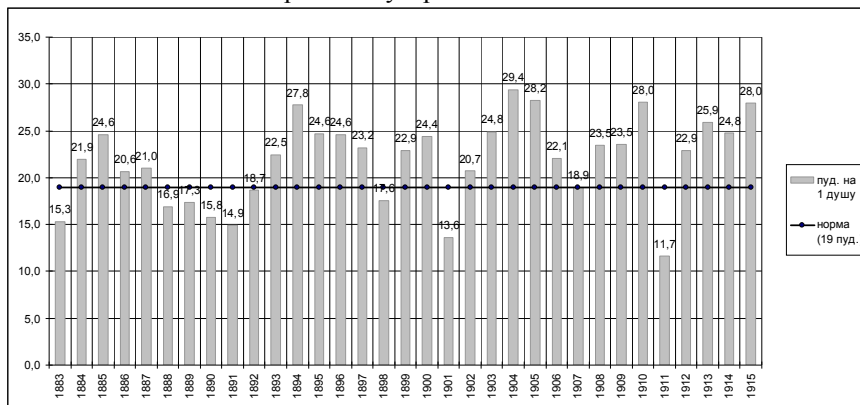
³ Там же. С. 115.

⁴ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 года. Пермь, 1905. С. 115.

⁵ См. Корнилов Г. Е. Кризисы сельского хозяйства и формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы. Оренбург, 2009. С. 169–171.

ло высокую степень зависимости от окружающей природной среды, что было связано с сохранением традиционных экстенсивных способов ведения полевого хозяйства. Низкий уровень производительности труда, хозяйственная замкнутость и неразвитый товарообмен обеспечивали лишь минимум потребления.

Рис. 1. Производство продовольственных хлебов на душу сельского населения Пермской губернии 1883–1915 гг.

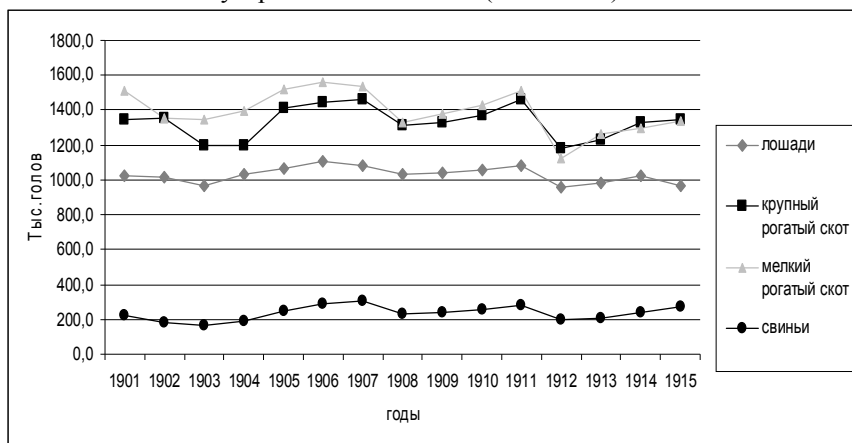
Составлено по: *Свод урожайных сведений за годы 1883–1915.* (Материалы ЦСК по урожаям на наделных землях). М., 1928. С. 125–128.; *Зайцев В. К.* К вопросу о численности населения Европейской России // *Влияние неурожая на народное хозяйство России.* М., 1927. Ч. 2. С. 81.

Животноводство в крестьянском хозяйстве Пермской губернии занимало второе по важности место после полеводства. Количество скота являлось одним из показателей состоятельности крестьянского хозяйства, а продукты животного происхождения представляли особую ценность для человека по питательным и вкусовым качествам. Изучение состояния животноводства имеет значение не только само по себе, но и потому, что оно оказывало решающее воздействие на земледелие, так как для обработки земли использовалась тягловая животная сила (лошади), а навоз служил источником удобрения.

Официальные данные о численности скота, основанные на материалах ЦСК, указывают на общее увеличение численности поголовья в исследуемый период, что обусловлено ростом численности населения. По общей численности поголовья на 1882 г. Пермская губерния (3 512,9 тыс. голов) занимала второе место на Урале после Вятской губернии (3 973,1 тыс. голов), а в 1914 г. – первое (3 882,2 тыс. голов). Пермская губерния абсолютно лидировала по численности лошадей, что связано не только с использованием лошадей в качестве тягловой силы в сельском хозяйстве, но и со значительным применением гужевого транспорта для нужд горнозаводской промышленности. В расчете же на душу населения она уступала вновь колонизируемым сельскохозяйственным территориям Оренбургской и Уфимской губерний. За 1882–1914 гг. поголовье крупного и мелкого

рогатого скота выросло на 6,1 %, свиней – на 14,3 %, а количество лошадей сократилось на 7,8 %. Общее поголовье стада увеличилось лишь на 369,3 тыс. голов, или на 9,5 %. Если учесть сложившуюся демографическую ситуацию, то производство животноводческой продукции на душу населения не увеличивалось, а даже сокращалось. Количество лошадей в расчете на сто сельских жителей сократилось с 45 в 1882 г. до 27 в 1914 г., поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 38 до 35 голов, мелкого рогатого скота – с 50 до 34, а свиней – с 11 до 6¹.

Рис. 2 Динамика численности сельскохозяйственных животных Пермской губернии 1901–1915 гг. (тыс. голов)

Составлено по: Статистический ежегодник России 1911 г. СПб., 1912. Отд. 7. С. 57–84; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. Отд. 7. С. 46; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отд. 7. С. 46; Статистический ежегодник России 1914 г. СПб., 1915. Отд. 7. С. 46; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. Отд. 7. С. 33

Исключительная ориентация крестьянского хозяйства на зерновое производство приводила к прямой зависимости численности поголовья скота от сбора хлебов. Анализ данных численности сельскохозяйственных животных Пермской губернии за 1901–1915 гг. указывает на отсутствие устойчивого роста. Особенно сильны были колебания поголовья крупного и мелкого рогатого скота. Численность лошадей была более стабильной, так как их наличие определяло возможность ведения полевого хозяйства, а следовательно, и нормального функционирования крестьянского двора. Данные, собранные ЦСК МВД, свидетельствуют о снижении численности скота в периоды 1901–1903, 1906–1908 и 1911–1912 гг. Неблагоприятные условия

¹ Сборник сведений по Европейской России за 1882 г. СПб., 1884. С. 138–141; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. 7. С. 45–46.

1901 г. сельскохозяйственного года привели к сокращению поголовья лошадей к 1903 г. на 6,0 %, крупного рогатого скота – на 11,4 %, мелкого рогатого скота – на 11,1 %, свиней – на 26,9 %. С 1903 г. наблюдался рост численности всех видов сельскохозяйственных животных. Однако уже в 1906–1908 гг. произошло очередное уменьшение поголовья. Число лошадей сократилось на 6,1 %, крупного рогатого скота – на 9,3 %, мелкого рогатого скота – на 14,4 %, свиней – на 20,4 %. Самым резким сокращением поголовья в начале XX в. отличаются 1911–1912 гг. В результате засухи и неурожая трав и зерновых 1911 г. численность лошадей за один сельскохозяйственный год сократилась на 11,8 %, крупного рогатого скота – на 19,6 %, мелкого рогатого скота – на 25,5 %, свиней – на 28,2 % (рис. 2).

Крестьянский скот, по меткому выражению заведующего Ирбитской земской фермы Д. И. Кирсанова, «являлся ссудо-сберегательной кассой крестьянина»¹.

Сосредоточив исключительное внимание на земледелии, продукция которого имела товарную ценность, крестьянин упускал из поля зрения остальные хозяйственные возможности. Скот содержался для обеспечения семьи молоком и получения навозного удобрения для полей. От большего числа коров крестьянин получал большее количество удобрения, малые удои коров покрывали потребности семьи в молочных продуктах. Для большинства крестьянских хозяйств молоко не имело товарной ценности, причина этого заключалась в том, что вблизи не существовало рынков сбыта. Поставка продукции в крупные города и горнозаводские центры требовала промышленной переработки молочной продукции, которая фактически отсутствовала. Зерновая продукция в этом отношении имела ряд преимуществ: зерно в отличие от молочной и мясной продукции имело длительный срок хранения, было удобным для транспортировки и в силу этих причин неизменно находило своего потребителя.

В крестьянском хозяйстве использовались традиционные способы переработки молока в масло, предусматривающие ручное взбивание сливок, что обеспечивало лишь незначительные объемы производства. В процессе приготовления использовался простейший инвентарь, а производство велось в антисанитарных условиях, что негативно влияло как на качество продукции, так и на сроки хранения².

Несомненный интерес представляют объемы производства и потребления продукции животноводства в Пермской губернии. Основными потребителями были заводские центры и города. В отчете члена ветеринарной экспедиции 1883 г. А. А. Калантара указывается: «Заводы служили во всяком случае значительными пунктами для сбыта сельских и скотоводственных продуктов... Некоторые заводы по своему положению и по размерам обращаются в крупные торговые центры, где совершаются промежуточные закупки и продажи. В этих местах, как и в городах, мясо, молоко, масло, сметана приобретают большое значение на рынке. А на такие пункты, как Екатеринбург работает окрестность далеко шире: деревни Горный Щит, Уктус, Елизаве-

¹ Кирсанов Д. Земская ферма в условиях сельскохозяйственной деятельности в Ирбитском уезде // Сборник Пермского земства. 1896. № 4. Отд. 3. Пермь, 1896. С. 56.

² Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. М., 1884. Вып. 1. С. Г7–Г8.

тино, Нижний Исетск, Шарташ, Березовское, Пышма или ежедневно, или один, два раза в неделю посылают в город молочные свои продукты»¹.

Не менее важным продуктом питания крестьянского рациона была мясная продукция. Однако прямых данных о размерах потребления мяса в Российской империи конца XIX – начала XX в. нет². Исключением, в некоторой степени, являются материалы Ветеринарного управления МВД за 1913 г. В основу этого исследования легли годовые отчеты ветеринарных инспекторов, а также данные, опубликованные министерствами финансов и путей сообщения.

В предисловии издания Ветеринарного управления МВД указывается, что использованные источники не в полной мере определяли размеры потребления мяса, так как невозможно было учесть скот, передвигавшийся гоним. Сравнительно точными являлись данные относительно городов. Поэтому в представленных Ветеринарным управлением МВД материалах, кроме вычислений общего количества потребления мяса по губернии, приводятся отдельно данные по крупнейшим населенным пунктам каждой губернии. В Пермской губернии это были Пермь и Екатеринбург³.

Данные о точном убойном весе животных отсутствовали, поэтому специалистами Ветеринарного управления в качестве убойного веса был принят средний убойный вес: 9 пуд. для туши крупного рогатого скота, 2 ½ пуд. для туши теленка, 1 ½ пуд. для туши овцы и 7 пуд. для туши свиньи⁴.

По собранному таким образом данным, в Пермской губернии потреблялось 2 248,9 тыс. пуд. всех видов мяса в год, 1 364,1 тыс. пуд. производилось в самой Пермской губернии, что составляло 60,7 % от всего объема потребляемого мяса. Специалисты Ветеринарного управления, основываясь на имеющихся данных, оценивали годовое потребление мяса жителем Пермской губернии в 0,6 пуд., что было значительно ниже, чем в действительности, так как основной убой скота в крестьянском хозяйстве проходил вне боен и не мог быть учтен. Более значительными выглядят данные о потреблении мяса в крупнейших городах губернии – Перми и Екатеринбурге, где на душу населения приходилось 9,6 и 5,7 пуд. соответственно⁵.

Основными пунктами потребления ввезенного мяса в Пермской губернии были: г. Екатеринбург (ст. Уктус), Пермь и Нижнетагильский завод (см. таблицу 1). По данным статистики железнодорожных перевозок, крупного рогатого скота в отдельные годы ввозилось более 17 тыс. голов. Количество скота, прибывавшего гоним, не подвергалось строгому учету, но, несомненно, имело значительные размеры. Поставщиками мяса были соседние Оренбургская и Тобольская губернии.

¹ Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. М., 1884. Вып. 1. С. А46.

² См.: Миронов Б. Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов... С. 83–95.

³ Статистические материалы по вопросу о потреблении мяса в Российской империи в 1913 г. Пг., 1915. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 12–13.

Несмотря на то, что существовавшая система учета не позволяла в полной мере оценить размеры производимой и потребляемой мясной продукции, она с очевидностью указывала на то, что крестьянское животноводство не обеспечивало потребностей внутреннего рынка губернии. Причина подобного положения дел не только в экстенсивных формах производства, но и ориентации данной отрасли хозяйства на внутренние потребности крестьянской семьи.

Ввоз в Пермскую губернию крупного рогатого скота в 1910–1913 гг. (голов)*

Станции	1910	1911	1912	1913
Уктус	5 797	7 700	5 196	7 086
Пермь	3 952	7 225	3 110	5 506
Нижний Тагил	2 966	2 562	2 980	4 747
Всего	12 715	17 487	11 286	17 339

* Составлено по: Статистические материалы по мясопродовольственному делу в России. Данные о доставке мясного скота и мяса в города и другие крупные пункты потребления по железнодорожным дорогам, водным путям и гоном в 1913 г. Пг., 1916. С. 81.

Обобщая выше изложенное, мы приходим к выводу, что система земледелия крестьянских хозяйств Пермской губернии имела преимущественно экстенсивное развитие. Производство продовольствия в большинстве крестьянских хозяйств, при существовавших условиях, находилось на уровне самообеспечения. Размеры и структура потребления отдельного крестьянского двора зависели от экономической состоятельности хозяйства, определяемой составом семьи и ценностью капитала, которым обладало хозяйство, находившее свое выражение в размерах посевной площади и численности рабочего скота. Количество и качество потребляемых семьей продуктов было тем выше, чем лучше она была обеспечена трудовыми ресурсами. При существовавших технологических условиях физический труд членов семьи являлся определяющим фактором производства. Животноводство в организационной системе крестьянского хозяйства Пермской губернии выполняло подчиненную роль, обслуживая нужды полеводства, и имело натуральный характер. Единственным практиковавшимся способом увеличения производства было численное увеличение стада. Росту товарности животноводства препятствовало отсутствие налаженной системы переработки и сбыта. Производство зерновых не требовало высокотехнологичной переработки и сложной системы хранения, поэтому хлеб оставался основной товарной продукцией, которую мог предложить крестьянский двор. Подобная исключительная специализация обуславливала крайнюю степень зависимости от колебаний погодных условий.